

Сашетта Котляр

**Лесная ведьма
для горе-принца**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К73

Котляр С.

К73 Лесная ведьма для горе-принца / Сашетта Котляр. – М.: Литнет, 2026. – 288 с.

ISBN 978-5-521-99922-4

Ведьма Натия потеряла всё из-за инквизиторов. Бегство в лес казалось спасением, но и там её жизнь не осталась спокойной. Сначала она вытаскивает раненную лису, а потом красивого молодого мужчину несёт конь, и тот просит о помощи. Его глаза похожи на аметисты и проникают в её душу, вызывая чувство, о котором Натия боялась даже мечтать. Теперь они вместе сражаются против инквизиторского ордена Алых Ряс. Но смогут ли они найти в себе силу не только победить врагов, но и позволить себе любовь, вопреки всему? Ведь он принц, а она – гонимая ведьма, и они из разных миров...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99922-4

© Литнет, 2026
© Котляр С., 2026

Глава 1. Слом

Лавка травницы в городе Наирдж

Натия

Ее лавка дивно пахла травами. Чабрецом, мятой. Горьковатой полынью. Немного цветами, немного терпкой дубовой корой. Как будто в лес вошел, а он так и поселился в сердце. Натия с любовью протирала пыль с каждой полочки, и выметала грязь из-под всех шкафов, напевая себе под нос старую колыбельную.

Натия пела, не замечая ничего вокруг, благо, с самого утра в ее уютную лавочку трав и лекарств мало кто заглядывал. Жители маленького городка Наирдж предпочитали приходить под вечер, хоть тогда и приходилось стоять в очереди к прилавку и ждать, пока улыбчивая, чуть полноватая травница дойдёт, и начнёт задавать вопросы по его беде.

Заходил к ней, к примеру, сапожник, и просил:

– Да мне бы настою от боли-то, голова побаливать начинает по вечерам, видать, от безделья. Работаю мало! Можно? – и потупится, глаза отведя от внимательного взгляда голубых глаз травницы.

А она улыбалась, по-матерински ласково, хоть и в дочери старому Джефферею годилась, и говорила в ответ:

– Можно-то можно, но хорошо ли освещена твоя лавка? Различаешь ли ты строчки, когда работаешь по ночам?

– А эт причем? – почесал тогда Джеффереи лысую макушку, и удивлённо посмотрел на Натию. Уж не сошла ли она с ума от своей странной жизни, да от прогулок лесных?

– Важно это, поверь хорошей травнице, – улыбнулась она. – Так хватает света?

– Так нетути, куда уж мне? Свечи жечь дорого, а темнеет нынче быстро, зима близится, – снова почесавшись, сказал он.

– Попробуй купить свечи, и работать вечером только при свете. Увидишь, больше не понадобится настой, голова пройдет, и глаза зоркими дольше останутся, – серьезно проговорила она, да и выставила сапожника из лавки. Не предложив тому настоя или травы какой. Он сперва обиделся, но затем совету последовал, справедливо решив, что хуже не станет точно.

А спустя неделю вернулся в лавку, и крепко обнял Натю, да так, что косточки хрустнули.

– Задушишь, Джефферей! – рассмеялась она. – За что ты меня так? – и улыбнулась до ушей, отчего он даже немного покраснел.

– Так это... – стусевался сапожник. – Помог твой совет. Ты волшебница! Не болит больше ни голова, ни глаза. Даже тратить-ся на свечи теперь не жаль!

Ради таких моментов она свои советы и давала. Бескорыстно. И вспоминая, всегда улыбалась и пела, прямо как сейчас. Даже уборка шла легко, и Натя словно не замечала, как исчезают пыль и грязь, и воцаряется почти идеальная для небольшой лавчонки чистота.

Мелодии, что она мурлыкала себе под нос, да общий светлый настрой на еще один замечательный день, как будто помогали, и даже убираться было приятнее. Так и у матушки было, и у бабки, да ляжет тело ее на мягкие перины за Гранью. От них Натя и переняла свое жизнелюбие. Да и помогать людям тоже они учили. И советы мудрых старших женщин пока что Натю не подводили, жаль лишь, что ни с одной из них на этом свете больше не поговорить. Могла она, конечно, и к мертвым обратиться, но без необходимости не стала бы. Нечего тревожить их покой, они его сполна заслужили, пострадали.

Лавка была еще закрыта, ведь солнце только-только начало окрашивать небо нежно-розовым цветом. Натя рассчитывала успеть закончить приборку и смешать несколько самых ходовых лечебных составов. Да и кузнецу мазь от ревматизма она так и не справила, а это не дело, он давно просил. Чего она не ожидала, утонув в сво-

их мыслях, так это громкого стука в тяжелую дубовую дверь, закрытую на засов. В такое время? И кто ж ломится?

Натия замерла, рассчитывая, что неведомые посетители хотя бы представятся, и не прогадала, даже подивившись ведовской интуиции:

– Открывай! Именем Всемилоственного Солнца! Ведьма, сдавшаяся добровольно, очистится и уйдет к Свету! – услышала она громкий грудной бас, и отскочила от двери. Как же хорошо, что за тяжелым дубом мало что слышно, а пути отхода у нее давно имелись! Алые Рясы добрались и до Наирджа, что же это делается-то?!

Она бросила метлу и вздрогнула от показавшегося теперь слишком громкого звука. Сумка с отварами... куда же она ее положила-то?! Натия заметалась по лавке в поисках нужных вещей, ухитряясь, впрочем, не производить совершенно никакого шума. И как повезло, что у нее всего одно окно! Да и то кривое и мутное. А она огорчалась, что не освоила эту науку – волшебством стекло создавать. Но даже это на пользу пошло, не в убыль.

Наконец, давно подготовленная на такой – не очень вероятный, как ей казалось, – случай сумка была найдена. Почему-то под шкафом с заготовленными микстурами от простуды, но разбираться и вспоминать, отчего так, у Натии времени теперь не было. Кабы не начали дверь выбивать...

Словно в ответ на ее мысли, в дверь застучали ещё громче. Мужчина за дверью – а среди алых ряс женщин сроду не водилось – явно рассчитывал, что ему все же откроют добровольно, а хозяйка, к примеру, занята и не слышит. Натии это было на руку, и она, с сумкой в руках, быстро прошмыгнула в подвал. Эх, как жаль покидать насиженное место-то! И трав столько сушилось, и настои подготавливались, и... да даже колбасу, которую мясник в благодарность принес, и ту оставлять жалко было!

Впрочем, ее-то как раз Натия и не оставила – кинула в холщовый мешок. Вместе с парой голов сыра, куском вяленого мяса и краюхой хлеба. А мешок – в сумку убрала. Та, конечно, потяжелела, но в пер-

вое время к людям теперь лучше не выходить, а кушать хочется. Придется потом былое вспоминать... Проклятые Алые Рясы!

В этот момент, она отчетливо услышала, как дверь в лавку пытаются вынести чем-то крепки и тяжелым, похожим на большое бревно. Ну-ну, это у них немало времени займет, а она пока удерет. Ишь, чего удумали, к Свету ее уносить! Через костер. Сами пусть туда входят, а её оставят в покое. Хорошо, что люк в подвал ковриком прикрывает, тоже небольшая – а задержка, а ей всякий миг важен, пока они сообразят, куда ведьма делась.

А уж то, что в подвале еще один лаз есть, ведущий в пещеру за городом, это они долго соображать будут. Благо, Натия и не рассказывала о нем почти никому, только, разве что, Джефферею? Оставалось лишь надеяться, что сапожник не выдаст. И зачем она ему тогда рассказала? Нет, Натия помнила, зачем – чтоб не переживал, если вдруг Алые Рясы до их городка доберутся, спокойно им рассказал, в какой лавке «ведьма» торгует, не подвергая себя и остальных риску. Но как бы ей это теперь не вышло боком! Вдруг попадется новенький старательный послушник, и решит попытать горожан, даже если, что они ведьму сразу сдали, ведьмы на месте не найдя? С них станется, это Натия знала, и не только по слухам. Эх, бабушка-бабушка...

От воспоминаний о прошлом даже слезы на глазах выступили, но Натия быстро их отогнала, сердито встряхнув головой. Не время! Мешок взяла, еду взяла, ковриком люк прикрыла – ведьма она или не ведьма? – ничего не забыла. Можно давать деру, напрямик в пещеры за городом.

А встречаться с Алыми ой как не хотелось! Тем паче, что и волшебство у ее рода всегда было созидательное, и соседей пугать ответным колдовством не хотелось. Нет, Натия могла бы, скажем, плющ прорастить прямо сквозь разлюбезных охотников на ведьм – им бы мало не показалось, но плющ же тоже живой, ему больно будет. Жаль его.

Или лесных медведей позвать, чтобы задрали горе-охотников. Могла? Могла. Даже рыбу хищную по их души призвать могла, коли реками удрать попытаются! Но сколько тех медведей и рыб погибнет, прежде чем они отобьются? И не испугает ли это горожан? Не дай боги, решат, что правы Алые, и от ведьм жди одной только беды! Она-то уже выросла и о себе позаботиться может, а вот молоденькие ведьмочки в лесах пока выживать не способны, люди им рядом нужны. А разве смогут они жить с теми, кто их боится?

Нет, только побег, другие варианты Натия решила приберечь на тот случай, если совсем выхода не останется. Вот догонят – тогда получают сполна, а если нет – так она их потом выморит из города своего, рукою в перчатке, не кулаком. Во имя мира между будущими ведьмами и обычными людьми.

Да ведь вымрут же Рясы рано или поздно? А если репутацию к тому времени подмочить, обратно не вернешь!

Наконец, подгоняемая своими же возмущенными мыслями, Натия добралась до входа в пещеру за чертой города. Отодвинула массивный булыжник выше ее роста, загораживающий проход, и нос к носу столкнулась... с Джеффереем! Он что, ждал ее тут? А с какой целью?

– Мастерница-ведьма, к тебе Алые Рясы пожаловали, лавку твою разнести уже успели. Помню, просила их не останавливать, коли что, но помочь-то я тебе могу, правда же? – быстро заговорил сапожник прежде чем, как она успела хоть что-нибудь слово пискнуть.

На глаза Натии навернулись слезы. Любят ее все же в Наирдже, в беде бросать не хотят, несмотря на такой риск! Аж на сердце потеплело у ведьмы. Не сразу нашлась, что ответить старому другу:

– Так не просила я помощи... – робко, как никогда раньше, начала она. – Заслышала, что дверь в мою лавку ломают, и бросилась наутёк, да и все. Я знала, что так может быть, Джефферей, – она огладила платье и губы облизнула в волнении. Беспокоятся! Не все в этом мире потеряно!

– Да где ж вам, ведьмам, помощи у простых смертных-то просить? – проворчал сапожник. – Сами все узнаем и сами поможем, стал-быть, как госпожа ведьма нашим детям и нам самим помогала, не просючи ничего взамен! Мы туточки тебе котомку собрали с припасами. Знаю, у тебя и своего имеется, да долгая дорога без пищи кончается быстро. И еще – коли бежать будешь, беги на север, в леса предгорные. Алые там медведей видели и лезть боятся, а ведьма всяко с живностью уговор найдет. Да и мы их... того, на юг направим. Лучше бы еще куда, да не отправятся, окаянные!

От этой доброй отповеди она даже на шаг назад отступила. А Джефферей сразу же всучил ей плетеную заплечную котомку, доверху набитую снедью, и стоило ей открыть рот – Натия и сама не знала, то ли поблагодарить, то ли отказаться, – как он сердито проворчал:

– Не приму отказ! Обижусь! Бери и беги с миром, и да помогут тебе боги, госпожа ведьма. А этим... красномордым – муравейник под задницу и медведя навстречу!

Натия рассмеялась. Джефферей никогда на ругательства не скупился, но это... Она улыбнулась, поставила собранную горожанами котомку наземь, и крепко обняла старого сапожника.

– Век вас не забуду! Спасибо и тебе, и всем прочим. А сейчас возвращайся к родным, Джефферей! Нечего давать Алым повод к тебе присмотреться поближе, внучата мне гибели любимого деда не простят!

В уголках голубых глаз старика она заметила блеснувшие слезы, но он только молча обнял ее в ответ, кивнул, и, не прощаясь быстрым шагом пошел назад. А Натия нацепила котомку, помахала ладошкой ему вслед, да и отправилась, как и сказал Джефферей, в сторону леса предгорного. Всяко стихия родная, так еще и Алым Рясам там боязно, а это ей на руку.

Глава 2. Слом

Сапфировый дворец, город Миертин

Аметис

У Аметиса день не задался с самого утра. Мало того, что тщательно распланированный Его Величеством поход он провалил – в дороге он с этим смирился и даже речь уже приготовил – так еще и часть войска по дороге дезертировала во время ночного привала. И чтоб он знал, куда солдаты подевались! Ясно было, что перемешались с местным людом, да только искать их как, дезертиров проклятых? Не вламываться же в каждый дом? Аметис не сомневался: папенька бы так и сделал, но сам он не мог и не хотел нарушать покой верных подданных ради кучки беглецов.

По правде сказать, он их понимал. Не будь Аметис принцем, пусть и всего-навсего третьим по старшинству – он и сам бы удрал, только его бы видели. К книгам и путешествиям. Эх! Да только кто его спрашивал, чего он там хочет? Родился принцем – изволь со-ответствовать. И неважно, что никто не выбирает, кем родиться. Ты сам и твои желания не важны. Лишь титул и долг, долг и титул. И гнетущая необходимость во всем подчиняться отцу, конечно.

Люди, мимо которых он проходил, улыбались принцу с колдовскими аметистовыми глазами, за которые он когда-то получил свое имя. Но сам он не видел никого вокруг, глядя на уши своего вороного коня, и не переставая думать о том, как отец воспримет его поражение. И ничего хорошего ему в голову не приходило, а потому посреди царственного лба залегла вертикальная морщинка, а в глубине глаз поселилась мутная, тяжелая обреченность.

Если бы не эскорт, обязательный для человека его положения, он наверняка упал бы с лошади или врезался в кого-нибудь. Но к счастью, верные люди вели его напрямик во дворец, а горожане рассту-

пались, давая дорогу своему принцу. От тяжелых мыслей глаза его стали тусклыми, а предстоящая публичная порка – даром, что лишь словесная – заставляла Аметиса все больше погружаться в себя. Он повторял будущую речь в голове, но как ни крутил слова и фразы, все одно понимал: отец будет в ярости, и снова окатит ледяным презрением, нимало не смущаясь собственных придворных.

И вот бесконечные извилистые улицы Миертина, мощенные тяжелым гранитом, привели Аметиса и его свиту туда, куда и должны были. В Сапфировый дворец. Как и всегда, Аметис первым делом бросил взгляд на оконные витражи, сложенные из множества кусочков синего стекла, прошелся взглядом по темным камням, и статуям предков с глазами-сапфирами, а затем снова уставился на уши собственной лошади. Смотреть на людей ему не хотелось. Мало того, что они его несколько пугали, так еще и за поражение уже грызло изнутри нечто подозрительно похожее на чувство вины. Он не справился. Подвел их. И отца тоже, хотя это как раз было неудивительно. Отца его поступки расстраивали почти всегда.

Перед воротами дворца принц хотел было остановиться, но Ханс, слуга, шустро бросился стучать. И куда быстрее, чем хотелось бы Аметису, в ответ на стук Ханса ворота отворились, пропуская всю процессию внутрь. Его явно ждали, но давали понять, что поражение – не тот результат, с которым отпрыск королевской фамилии имел право вернуться домой, рассчитывая после этого на радужную встречу своей семьи и подданных отца. Ему демонстративно не оставили открытыми ворота заранее. В этом был весь отец. Наказать непутевого сына даже такой, казалось бы, малостью.

Аметис смотрел бы на уши лошади и дальше, но во дворе родового замка, то есть, простите, дворца, пришлось спешиться и передать верного Ворона в руки конюха. А дальше – только на своих двоих, что вынуждало несколько более внимательно смотреть на дорогу. Впрочем, на придворных он все так же старался взгляда не поднимать, и вообще оставался занят собственными мыслями. В них было как минимум уютнее.